

Свадебная обрядность Шебекинского края

В последние десятилетия происходит постепенная утрата традиционной семейной обрядности. С ней уходит в прошлое и целая система культуры, отражающая народные представления о красоте, праздничности бытия. Исчезает из нашей жизни и один из самых содержательных, эмоционально насыщенных праздников на Руси – свадьба.

Вместе с тем, по мнению многих отечественных ученых, краеведов, свадебный обряд представляет собой яркий, исключительный по своей значимости феномен русской народной культуры. Он неоднократно становился предметом разнообразных научных исследований; большое внимание ему уделяли в своих работах А.Кулагина, Н.Степанов, М.Жиров, И.Афанасьев, М.Семенова, И.Панкеев и мн.др. Однако, мы считаем, что традиционная свадебная обрядность каждого района и даже отдельно взятого города, села имеет свои специфические, лишь ей присущие черты и может составить тему самостоятельного исследования.

Таким образом, актуальность данного вопроса, его значимость для истории края, а также недостаточная, на наш взгляд, разработанность в краеведческой литературе позволили сформулировать тему научной статьи и определить цель исследования как изучение свадебной обрядности Шебекинского края в XIX – первой половине XX вв.

На протяжении многих столетий формировался и передавался из поколения в поколение этот яркий, поэтический обряд, в котором веселье чередуется с грустью, печалью, где сплетены воедино реальность и художественный вымысел, где настоящее встречается с прошлым и рождается духовная связь времен.

Вероятно, именно в этом заключается причина того, что, согласно народным традициям, свадьба была актом признания молодой семьи: Если соблюдался православный церковный обряд, но не было сватовства, повивания невесты, свадебного пира, то общественное мнение упорно отказывалось принимать такой брак, считать его действительным.

Основу свадьбы составляла, прежде всего, хозяйственно-экономическая необходимость: возможность вступления в брак оценивали, как правило, с точки зрения практической, материальной выгоды («Не молодца любят - денежку»). Несомненно, важную роль играло и стремление родителей жениха взять в семью девушку скромную, трудолюбивую мастерицу, продолжательницу рода. Будущих невесток присматривали задолго до свадьбы во время полевых работ, праздничных гуляний, служб в церкви. Мнение жениха и невесты учитывалось редко, хотя иное, противоположное отношение к браку («Не бери приданое, бери милу девушку») также присутствовало.

История свадебного обряда насчитывает немало веков. Об этом свидетельствует, в первую очередь, его тесная связь с народным земледельческим календарем: вплоть до 50-х годов XX века в Шебекинском крае, как и во мно-

гих других регионах России, свадьбы играли после завершения полевых работ, в осенний и зимний Мясоед. Недаром те недели, которые начинаются с 6 января и продолжаются до Масленицы, издревле назывались на Руси «свадебными».

В зависимости от конкретных обстоятельств свадьба могла быть «богатой» (и в доме невесты, и в доме жениха), «бедной» (только в доме жениха), «вдовой», «сиротской». Но всегда это было целое театрализованное представление, сложное и драматическое, каждый участник которого исполнял свою роль. Отсюда и пошло хорошо знакомое всем выражение «играть свадьбу».

Во время свадебного обряда любое движение, слово, любая деталь одевания были наполнены глубоким смыслом, имевшим древние корни, уходящие вглубь веков. Так, в с.Новая Таволжанка свадьбу всегда называли боярской, потому что «... по рассказам старожилов, крестьяне были «дети боярские», служившие по охране государственных границ, за что и награждались боярским званием»¹.

Обрядовые действия обязательно сопровождались свадебными песнями, причитаниями, припевками, корилками. До венчания преобладали грустные напевы, отражающие чувства и переживания девушки, которая навсегда уходит из родного дома в чужую семью. После венчания песни носили мажорный характер; они прославляли молодость и красоту новобрачных, желали им счастливой, богатой жизни, величали родителей и гостей.

Уже в XIV веке, во времена правления Симеона Гордого, сына Ивана Калиты, «... свадьбы играли по твердо установленному порядку, предусматривавшему сватовство, сговор, родительское благословение, обручение, расплетание косы, покрывание невесты, обсыпание хмелем, вождение в баню»². Большинство из этих элементов сохранялись в Шебекинском районе вплоть до середины XX века.

Начиналась свадьба со сватовства. Во многих селах района для данного этапа свадебной игры, от исхода которого зависел успех всего предприятия, выбирался один из легких дней: вторник, четверг, суббота или воскресенье. Ездили свататься, как правило, родители, крестные жениха и близкие родственники (старший брат, дядька), - обычно не больше пяти – шести человек. Не допускались к сватовству молодежь и холостые, это считалось дурным знаком. Свата, которым чаще всего был крестный отец парня, перевязывали рушником с богатой вышивкой. Обязательными атрибутами были четверть водки и каравай. В с.Купино «пирог хлеба» приносила мать жениха; он служил своеобразным залогом и оставался в доме девушки до получения ответа. Если сватовство было успешным, этот хлеб разрезали на «пропиванках», если нет – возвращали назад.

Боясь сглаза, неудачи, речь о свадьбе вели иносказательно, в традиционной форме купцов-продавцов (с.Вознесеновка: «У вас есть товар, у нас - купец»), охотников (г.Шебекино: «Есть у нас соболю красной, а еще нужно ему куницу – красную девицу»); говорили о купле овечки или телочки, о пропавшей голубке и т.п.

Если приход сватов был желанен, хозяин дома приглашал их присесть на лавку, откусать хлеба-соли. Тогда-то «купцы» и объявляли истинную

причину визита, выводили на показ жениха, расхваливали его, перечисляя все достоинства. Затем приводили на «погляд» девушку.

В случае, когда обе стороны оставались довольны, все присутствующие, кроме жениха и невесты, садились за стол, девушка разрезала принесенный каравай на 4 части и отдавала их своим родителям и родителям жениха. Звучала песня «Ой, летели гуси-лебеди через сад»:

*Ой, летели гуси-лебеди через сад,
Ударили золотым крылом об терем:
«Пора ж тебе, Марьюшка, с терема долой,
Пора ж тебе, Ивановна, на посад».*

*«Ой, нет дела, подружки мои,
Дела до того, а есть у меня
Сударь-батюшка для того,
Для посаду моего».*

*Ударили три мороза на дворе,
Заморозили сходатого свата у матри.
Выходила сходатая сваха на крыльцо,
Выносила стакан меду, штоф вина,
Напоила сходатого свата пьяного.*

*Ударили три мороза на дворе,
Заморозили сходатую сваху у матри.
Выходила вот Марьюшка на крыльцо,
Выносила лисью шубу на плече,
Высыпала вот стежки-дорожки серебром,
Дожидала вот Петечку с поездом
И вывешивала вот плетни коврами,
Дожидала Петечку с боярами.*

с. Сурково

Когда застолье заканчивалось, невеста подходила к свату и перевязывала ему рушник на другое плечо, что означало: сватовство прошло удачно.

Если родители девушки по какой-либо причине не хотели выдавать дочь замуж, они намекали на ее молодость, отсутствие приданого и т.п. В некоторых селах района, например, в Логовом, символом отказа был «гарбуз» (тыква), который выставляли в сенях или на изгороди. Традиция эта имеет украинские корни; по-видимому, она пришла в Шебекинский край вместе с первыми крестьянами-украинцами, поселившимися здесь несколько веков назад. Несомненно, большую роль сыграли также близкое соседство, тесные социально-экономические и культурные связи с этим народом.

Случалось, отказ облачали и в нетрадиционную форму. Так, в Кошлаково, по словам жительницы села М.Ф.Тарасовой (1931 г.р.), в 30-х гг. жил зажиточный плотник, мастер на все руки. Когда в его дом пришли нежеланные сваты, он вручил им подарок, изготовленный собственными руками, - богато украшенный резьбой валец, на конце рукоятки которого был вырезан кукиш.

Нередко после отказа в одном доме шли свататься в другой. Неудачливым сватам деревенские острословы могли пропеть частушку:

*Ванька сватался, катался,
Он к милашке наровлялся,
Новы сани изломал,*

А невесты не видал.

с. Рژهвка

*Наши Ваню «поженили»,
Ездили за триста верст,
Привезли обдристан хвост.*

с. Купино

Иногда от невесты отказывались и родители жениха: это происходило, если вместо девушки, которую хотели засватать, на «погляд» выводили ее за-сидевшуюся в девках сестру.

Уже во время сватовства невеста начинала причитать. В древности ритуальный плач имел магическое значение: считалось, что девушка, выходя замуж, покидала свой род, а вместе с ним и духов, оберегавших его. Чтобы не выглядеть неблагодарной, она плакала и причитала, стараясь показать свою преданность родному дому, прежней родне и их сверхъестественным покровителям – умершим предкам. Со временем это суеверие трансформировалось, получив отражение в поговорке «Не поплачешь за столом, будешь плакать за столбом» (в замужестве), которая сохранилась в Шебекинском районе до сих пор.

Причитания исполнялись на протяжении всего свадебного обряда вплоть до венчания. Главное содержание этих песен – прощание невесты с родителями, любимыми подругами, девичеством, молодостью, противопоставление жизни девушки в родной семье, где ее любили, берегли, с жизнью «на чужой стороне», недоброжелательным отношением свекра, свекрови, а иногда и мужа. Аналогичный причитаниям смысл имели и песни, исполнявшиеся подружками невесты. Так, в селе Стариково девушки пели:

*Ой, на дворе дождь
Не силен, не дробен,
Ой, лели, ой, лели-лели,
Не силен, не дробен³.
 Не ситечком сеет –
 Ведром поливает.
Как брат сестру хвалит,
По головочке гладит:
 Сестрица меньшая,
 Расти ты большая,
Большая, хорошая,
Умная, пригожая.
 Отдадим тебя замуж
 Не далеко – далече,
В чужую деревню,
Не в уютную семью,
Где бьются, дерутся,
Топорами секутся,
Ножсами режутся...*

Плакать учились с детства, запоминая, как это делают старшие сестры, соседки. Иногда невесте помогали «профессиональные» плакальщицы.

После сватовства – как правило, через несколько дней – организовывались смотрины (оглядины) – осмотр хозяйства жениха. Во многих селах Ше-

бекинского края, например, в Кошлаково, этой процедурой руководила крестная мать невесты. Вместе с родителями и близкими родственниками девушки она осматривала дом, подсчитывала количество окон, обходила хозяйственные строения, домашнюю живность и т.п. Основания для такой придирчивости были немалые: случалось, что увиденное не соответствовало тому, о чем рассказывали сваты, – двор жениха оказывался бедным. Иногда родители парня специально перед смотринами брали у родственников мешки с зерном, которые ставили в дом, кур, уток и т.д., чтобы хозяйство выглядело более богатым. Если обман раскрывался, это служило поводом для расторжения договора, и свадьба расстраивалась.

Если же результаты осмотра удовлетворяли родителей невесты, то через одну-две недели, чаще всего в воскресенье, в доме девушки устраивали пропой (пропиванки, рукобитье) – застолье, на котором присутствовали близкие родственники с обеих сторон, а также подруги невесты. Изба, в которой принимали гостей, украшалась рушниками, на стол выставлялось угощение: холодец, блины, водка и каравай. За беседой звучали строгие обрядовые песни:

*Ой, пьяница да пропойница,
Пьяница да ох пропойница
Да вот Манин да батюшка.*

*Ой, вот пропил да вот Манечку,
Прогулял да вот Ивановну,
Прогулял да вот Ивановну⁴.*

*Ой, прогулял да Ивановну
Он на винной чарочке,
Ой, да на винной чарочке,
На сахарном да кусочку,*

*Ой, на сахарном да кусочку,
На медовом да осточку.*

с. Купино

Невеста причитала:

*Не отдавай меня, батюшка,
В чужбинушку,
Не кручинь ты мою голову.
А в чужбине, мой батюшка,
Трудно жить, ой, трудно жить...*

с. Дмитриевка

Через несколько дней родители жениха и невесты встречались на «сговорах», где обсуждались хозяйственные вопросы, связанные с заключением брака: дата свадьбы, количество гостей, материальные затраты, приданое, дары, которые должны были сделать жених, невеста, их родители и родственники.

В этот день также устраивалось небольшое застолье; на нем молодые под звучание обрядовой песни «Дубравушка», которую запевала старшая подружка, подносили родителям чарки с вином:

*Дубравушка зеленая,
Ладу, ладу,
Дубравушка зеленая,
Душа ли моя⁵.*

*Ой, что ж ты рано зашумела,
Ой, что ж ты рано зашумела?
Ой, не сама я зашумела,
Ой, не сама забушевала.
Шумнули мною буйны ветры,
Шумнули мною буйны ветры,
Буйны ветры, лютые морозы,
Буйны ветры, лютые морозы,
Буйны ветры с чистого поля,
Буйны ветры с чистого поля,
Лютые морозы с синего моря,
Люты морозы с синего моря.
Красная девка вот и Марьюшка
Хорошая Ивановна.
Ой, что ж ты рано замуж идешь?
Ой, что ж ты рано замуж идешь?
Ой, не сама я замуж иду,
Ой, не сама я замуж иду, не по своей охоте.
Меня батюшка отдавал,
Меня батюшка отдавал.*

с. Большое Городище

По вечерам в доме невесты собирались подружки; они помогали шить «дары», поскольку, согласно обычаю, каждая девушка, выходя замуж, должна была одарить родственников жениха, а те, в свою очередь, подносили подарки ей. Шитье «даров» также сопровождалось песнями, среди которых самой любимой, популярной была «Ой, по Дону, Дону»:

*Ой, по Дону, Дону,
Вдоль по тихому Дону,
Лели-лели, лели-лели,
Алиляй-лели, алиляй-лели⁶.
Там плыли, проплывали
Четыре утены.
А пятая, косатая,
Назад повернула.
Назад повернула,
В терем заглянула.
А у тереме богатом
Девки песенки играют.
Девки песенки играют
Вот Катюшу величают.
А Катенька молодая
У концы стола стояла,
На дарочки поглядала,
Сундук новый накладала.
Сундук новенький, яловый,
На нем скобы золотые,
А замочки оловянные.
Она свекру рубашечку,
А свекровье другую,
А другую, а льняную.
А деверьям по порточкам,*

А золовкам по ленточке.

с. I-е Цепляево

В предшествующие свадьбе дни подружки помогали невесте и собирать приданое, которое обязательно включало сундук с одеждой, постельные принадлежности, покрывала, полотенца («утирки»), скатерти, дорожки, «завески» на окна и двери, а также убранство на святой угол.

Привозили приданое в утро свадьбы или за день до нее. По количеству нагруженных подвод определяли уровень достатка молодой: о богатстве свидетельствовали две и более подводы, а также наличие шубы.

Приданое невесты следовало выкупить. Эту задачу выполнял дружка – женатый парень, друг жениха, остроумный, находчивый. Обряд выкупа часто сопровождался шуточными «корилками», исполнявшимися подружками невесты:

Ах, дружко, дружко,

Неповертушко,

А купи у нас приданое.

Мы недорого просим,

Дешево отдаем:

Два рубля с полтиною,

Полтора с гривенью.

с. Нежеголь

Дружка-богатина,

Купи у нас постелю.

Мы недорого просим:

Два рубля с полтиною

И чарою наливною.

с. Репное

Если дружка отказывался платить, потому что цена казалась ему слишком высокой, девушки насмеялись:

Скупые бояре

По сметью ходили,

Черепки собирали,

Девоч одаряли

с. Сурково

Ах, дружко, дружко,

Не тебе дружковати,

А тебе свиней пасти

С большой дубинякою,

С черною собакою.

с. Ржевка

В некоторых селах Шебекинского района деньги на выкуп собирались посредством величания гостей:

Чарочка моя серебряная,

На столику-блюдечку поставленная.

Кому ее пить, кому выпивать?

Ох, пить чару добрым людям,

На здоровье, на здоровье!

с. Нежеголь

Гости принимаются «крутить, вертеть. И кому водку пить, берут кружку и деньги в нее бросают. А его величают, кружкой по столу бьют. Она гу-

дит, звенит, с песней перекликается. Всех обогревают и полную кружку денег набирают...»⁷, - так рассказывает об этом З.Ф. Закурдаева (1927 г.р.), жительница с. Нежеголь.

Выкупленное приданое везли в дом жениха, где его уже поджидала крестная мать невесты. В с.Кошлаково под ее руководством все предметы домашней обстановки (перины, «завески», одеяла, рушники, дорожки и т.п.) заменялись соответствующими вещами из приданого молодой. Иногда на столы приходилось стелить по две-три скатерти, а на кровати – четыре-пять простыней. Утром следующего дня приходили соседи, осматривали, пересчитывали количество тех или иных предметов, делали вывод о достатке невесты.

Накануне свадьбы жених и невеста с друзьями, подругами ходили по селу и приглашали своих родственников на пир. Если невеста была сиротой, она одевалась во все черное и шла на кладбище поклониться могилам родителей, просила у них прощения и благословения.

За день до свадьбы, вечером, невеста собирала всех своих подруг на девичник (вечерки). Этот последний день «вольной» девичьей жизни был наполнен большим количеством магических ритуалов, направленных на то, чтобы способствовать счастливому замужеству и большому достатку в будущем.

Подходя к дому невесты, девушки пели:

Ой, у ворот да веревюшки

Да повились.

Е(го), е(го) ли, ели,

Повились⁸.

Вот к Манечке да подружечки

Да собрались.

Любимые да к Ивановне

Да свет одной.

И шли-прошли красные девки

Горою.

И кликали да вот Марьюшку

С собою.

Пойдем, пойдем, и вот Маревюшка,

С нами в ряд.

Да заиграем, Ивановна,

С нами в лад.

Ой, уйдите, да вот красные девки,

Да не ждите.

Ох, я себе сильного роя

Выловила.

Ох, я себе да не роеного

Поймала.

Ой, сильный рой – Иванечка

Молодой⁹.

Могли девушки спеть и другую песню, шутливо укоряя подружку-невесту за то, что она бросает их, родителей, выходит замуж:

Обманка, обманщица

Марьюшка Ивановна.

Обманула Марьюшка

Родимого батюшку.

*Казала Марьюшка:
«Вотрод замуж не пойду,
Вотрод не подумаю,
Людей не послухаю».
Аж но наша Марьюшка
С молодым за столом сидит,
С молодым, неженатеньким,
С белым, кудреватеньким.*

с. Сурково

Невеста встречала подружек слезами, приглашала в дом, где на столе стояли угощение, пирог и ветка калины – символ девичества. При этом девушка причитала:

*Ох, как-то мне, молодой, быть, молодой, быть?
Ох, как-то мне да к чужой семье привыкать?
Ох, как-то мне да чужого мужика батюшкой называть?
А чужую бабу матушкой покликать?
Встану я рано поутру, поутру,
Выну я сердце из себе, из себе.
Да кину я сердце под порог, под порог.
Да я-то на сердце наступлю, да наступлю.
Да чужого мужика да батюшкой назову,
А чужую бабу матушкой покличу.
Да чужой мужик – батюшка, батюшка,
Да Сереженька – ладушка, ладушка.
Да чужая баба – матушка, матушка,
Да Григорьевич милый друг.
Обращаясь к матери, невеста «плакала»:
И спасибо, спасибо тебе,
И моя родимая Матушка.
Успоила, ускорила меня
И у чужие люди отдала меня...*

с. Купино

В течение вчера девушки помогали подруге укладывать дары, печь караваи, готовить свадебный наряд, пели лирические песни о ждущей ее нелегкой судьбе замужней женщины:

*Серые утки по саду ходят,
Ладу, ладу,
Серые утки по саду ходят,
Душа ли моя¹⁰.
По саду ходят, роман топчут,
Роман-траву, зеленую мяту.
Этим уткам сторожа нету,
Сторожа нету девятое лето,
Девятое лето, девятую зиму.
Был им сторож – красная девка,
Красная девка вот Марьюшка,
Хорошая же Ивановна.
Пошла наша вот Марьюшка
К сестре в гости да гостевати,
Голову гладить, косу плесть.
Да не так гладить, как плакать.*

*Не так плете, как рыдае,
Девичью волю вспоминае.
Девичья воля, бабья неволя.
с. Доброе*

Символом прощания девушки с волюшкой, родительским домом была «красота» (головной убор в виде широкой ленты, расшитой бисером), которую она дарила самой любимой подруге.

В большинстве сел района на девичник приезжал и жених со сватом, дружкой, родней, сваха выводила невесту, наряжавшуюся в другой комнате, гости вместе с молодыми садились за стол, и подружки начинали петь величания невесте:

*... Спросите, спросите
У ближних соседушек,
Какова, какова да и Анна Митриевна.
Ростом она, ростом она
Тонкая, высокая;
Личиком, личиком
Белая, румяная;
Глазушки, глазушки
Что у ясна сокола;
Бровушки, бровушки
Что у черна соболя;
В ней коса, в ней коса
До шелкова пояса.*

с. II-я Стрелица

Величая жениха пели так:

*Ой, по садику зеленому
Там ходил-гулял Иван-свет.
Он чесал кудри русые,
Он чесал, приговаривал:
«Прилегайте, мои кудерцы,
Прилегайте, мои русые,
К моему ли лицу белому,
К моему лицу румяному.
Привыкай же ты, Марьюшка,
Привыкай же ты, Ивановна,
К моему ли уму-разуму
Да к обычаю молодецкому».*

с. Б. Городище

Были специальные величальные песни для свата и свахи, для дружки, замужних женщин, женатых и холостых мужчин и даже для пьяного гостя. Тот, кого величали, обязательно должен был одарить молодых.

На протяжении всего вечера невеста причитала. Обращаясь к отцу, матери, она просила отложить свадьбу, не отдавать ее в чужую семью. Аналогичный смысл имеет песня «Винная чарочка», которую исполняли в с. Сурково:

*Винная чарочка
На столику стояла,
Лели-лели, стояла¹¹.
Бархатом накрыта,
А золотом облита.*

*Красная да девушка Марьюшка
В конце стола стояла,
В руках чару держала
И плакала, рыдала.
Она батюшку умоляла:
«Батюшка родимый,
Не отдавай меня смолоду,
Не кручинь мою голову.
Я еще годок посижу,
С девками тонок повожусь,
Златой веночек изношу,
Алу ленту истреплю».
«Марьюшка-девушка,
У тебя есть меньшая сестра,
Золотой веночек донося,
Алу ленту дотрепя».*
с. Сурково

Свадебный день был насыщен большим количеством различных ритуальных действий, которые, по мнению наших предков, способствовали счастливой жизни молодых, берегли их от сил зла.

Утром свадебного дня девушки помогали своей подруге завершить последние приготовления к свадьбе. Старшая дружка под горькие причитания невесты в последний раз заплетала ей косу на девичий манер, надевала на голову веночек из цветов. Одежда девушки-невесты состояла из черного, длинного до пят сарафана, белой домотканой рубахи со скромной черно-красной вышивкой «крестом», подпояски и красного платка.

В с.Купино девушки наряжали также курицу. На шею ей привязывали маленький мешочек с зерном, который служил символом богатства и достатка.

Одетая к венцу невеста усаживала за стол подружек. Каждой из них вручался каравай, который украшали цветами и ленточками.

Родители девушки «обносили» чаркой собравшихся гостей. Ожидая «свадебный поезд», пели:

Родители девушки «обносили» чаркой собравшихся гостей. Ожидая «свадебный поезд», пели;

*Ой, по лугам, лугам вода разливается,
Ой, леди, лели, вода разливается¹².
А по лесам, лесам пташки разлетаются.
Мы думали — пташечка,
А то перепелочка — рябое перышко.
По чем узнать перепелушку?
По рябому перышку.
По чем узнать девушку?
По русой по косушке.
Молодец хорошенький вот
Ванечка Иванович.
Ему девушку хорошую,
Наталью Ивановну.*

с. Неклюдово

В это время у дома жениха снаряжали «свадебный поезд», который со-

стоял из трех-десяти телег, подвод или саней, накрытых коврами («дерюжка-ми»). Дуги, хомуты и гривы лошадей обязательно украшались лентами, рушниками, лоскутами ярких тканей; к ним прикреплялись бубенцы, колокольчики. Перед тем, как отправиться в путь, жених опускался на колени на расстеленную шубу, родители с иконой благословляли его на семейную жизнь. Впереди «свадебного поезда» ехали дружка и сваха со свадебным караваем. Число «поезжан», как правило, было нечетным: жених пока оставался без пары.

Заслышав перезвон бубенцов подъезжающего «свадебного поезда», в доме невесты пели:

*Ой, донная наша речушка широкая,
Ой, донная наша быстрая» глубокая,
Ой, лели, ой, ляй, лели, глубокая¹³.*

У той речушки водица студеная.

Подъезжали к этой речке рыболовы.

Рыболовы — ребятаушки молодые,

Молодые, неженатые, холостые.

Прорубали белые снега до ледочку,

Запускали шелковый невод до зеленицы.

Уловили белую рыбицу, все плотвицы,

На сухой бережок вытягали,

На сухой бережочек, на песочек,

На двенадцать часточек разрубали.

На двенадцать тарелок раскладали,

На двенадцать столиков становили...

с. Репное

Весело, с музыкой и песнями, под звон колокольчиков подъезжал к крыльцу «свадебный поезд». Первым, купив себе дорогу, в избу входил дружка с несколькими товарищами. Девушки, занявшие все места за столом, пели им:

Дружка — богатина,

Купи у нас местечко,

Мы не дорого просим,

Дешево отдаем:

Два рубля с полтиною,

С золотою гривною.

с. Стариково

Если цена была высокой, и дружка отказывался платить, его принимались стыдить:

У нашего дружки денег нет.

Если нету, так займи,

У товарища попроси,

А покос придя, откоси.

с. Ржевка

Дружка девки били,

Под столы свалили,

Крышкою накрыли.

Дружка заборился,

Борцом опалился.

с. Вознесенка

Когда место было куплено, девушки уходили, напевая «Ой, у поле лен,

лен...». После этого дружка должен был выкупить курицу, а также заплатить за косу невесты, которую охранял ее младший брат. Когда дружке удавалось договориться и с ним, девушки пели:

*Да вот Манин братилка-татарин
Продад Манечку боярам.*

с. Купино

Жених и его гости рассаживались за столом, начиналось застолье, после которого дружка просил у родителей невесты разрешения отвезти «молодого князя и княгиню» в церковь (если они еще не венчались). На полу расстилали шубу, молодые становились на колени, и родители с иконой в руках благословляли их.

Провожая невесту за порог, мать разметала перед ней дорогу, а затем бросала веник на крышу, Если он падал назад, считалось, что семейная жизнь девушки может не сложиться, и она вернется домой.

При выезде «свадебного поезда» со двора пели:

*У ворот белая береза стояла.
С подворьяца вот Марьюшка съезжала,
Лели-лели, съезжала.
С широкого Ивановна,
С батюшкиного съезжала,
С белой березы макушку сломала.
«Побудь, побудь, белая береза, без верха,
Побудь, побудь, батюшка, без мене.
Побудь, побудь, батюшка, без мене,
Без мене, без удалой голове».*

с. Доброе

Из-под венца молодоженов встречали песней «Господи Боже, благослови!» (с. Купино), обсыпали орехами и зерном, чтобы они жили в любви, согласии, достатке.

В доме жениха молодых встречали его родители, привечали хлебом-солью, благословением, подавали выпить, а стаканы разбивали «на счастье». После этого невесту заводили в дом, сажали одну в «красный угол», где проходил обряд повивания: свашки, взяв в руки но свече, закрывали девушку от посторонних глаз платком, а сваха со стороны жениха (иногда – невесты) расплетала ее косу «по-бабьи» надвое, укладывая вокруг головы; сверху надевалась шапочка («почапушник»). Во времена язычества именно эти действия означали заключение брака.

В с. Нежеголь невеста должна была трижды сбросить с себя «почапушник», демонстрируя нежелание подчиняться чужой воле, менять отцовский род. Только после этого сваха накрывала шапочку платком. Во время обряда исполнялась песня «Свашенька-гоголушка»:

*Свашенька-гоголушка,
Не пуклать головушку.
Не для тебя я гладила,
Не для тебя косу плела.
Гладила головушку
Для своей охотушки.
А косушку плела*

Для девичьей красотишки.

с. Репное

Когда сваха разделяла волосы на пробор и заплетала их в две косы, она приговаривала:

*Левую косу заложу за богатого сына,
Правую косу заложу за дородную дочеря...*

с. Сурково

Если девушка была сирота, то на повивание ей пели «Ивушку»:

*Ивушка, ива моя зеленая,
Все ли твои отросточки отросли
Из кореня и до макушки,
И до зеленой верхушки?*

*Ниночка Николаевна,
Вся ли твоя роденюшка
Посошлась и посьехалась,
И дальняя, и ближняя?
Только нет роденюшки
Что родимого батюшки.*

А твой батюшка у Бога на небеси.

Для престола Богу молится,

У Бога просится:

«Отпусти меня, Боже,

С небес да на землю,

На сиротскую свадьбу».

*А сиротская свадьба
Невеселая играет.
Ускормить было есть кому
И нарядить было есть кому,
А на посад благословить было некому.*

с. 1-е Цепляево

После повивания невесты сваха расчесывала волосы жениху, в некоторых селах района смазывала их конопляным маслом.

Когда обряд завершился, молодая уходила в другую комнату, где ее передевали в наряд «мужатой женщины»: праздничную поневу с клетчатым узором, богато орнаментированную вышивкой рубаху, завеску; на шею надевали украшения.

По возвращении молодой за праздничный стол начинался обряд одаривания. Сначала невеста одаривала родителей жениха и его близких родственников. Этот процесс сопровождался песнями:

*... Свекровьюшка дорогая,
Прими мой подарок.
Ой, подарок непростой,
Вот коверчик расшивной.*

с. Нежеголь

После этого гости, парами, одаривали молодоженов:

*Кто вежел, дароват,
Прошу молодых одарять.
Если ваша честь, рубликов шесть,
А если ваша хвала, хоть серого вола!*

с. Купино

В качестве даров выступала мелкая домашняя живность, а также тканые изделия (рубашки, рушники, скатерти и т.п.). В некоторых селах Шебекинского района обряд одаривания совершался «расхлебыванием» пшенной каши. Молодым вручался полный горшок и ложки, связанные лентой; им нужно было достойно справиться с задачей. При этом приговаривали: «Это, молодые, вам каши покушать, чтоб жили дружно, как горшочек круглый, чтоб кругло прожили свой век», «Сколько в лесу пенечков, столько вам сыночков, сколько на лугу кочечек, столько вам дочечек. И жить вам до старого веку, до седой головушки, до белой бородушки».

Ближе к ночи дружка отводил молодоженов в «клеть», осыпая по дороге зерном. После этого свадебное веселье продолжалось уже без молодых.

На утро второго дня свадьбы мать невесты отправляла молодоженам завтрак: жареную курицу, пышки, мед. Последний считался ритуальной едой, связанной с началом супружеской жизни (отсюда и произошло выражение «медовый месяц»). После этого приходили ряженые, искали пропавшую телку или бычка, разыгрывали шуточные сценки, подменяли молодых: в невесту наряжали крупного мужчину, а женихом, как правило, была старая бабка.

Третий день свадьбы завершал веселье. Родственники, гости, присутствовавшие на свадебном пиру, принимали у себя молодую пару, специально готовили к этому дню угощение: блины, вареники, пироги. Такие встречи длились иногда несколько недель.

Завершая рассмотрение вопроса о свадебной обрядности Шебекинского края, хочется отметить: необычайное богатство и разнообразие, поэтичность этого старинного ритуала, в котором нашли отражение мысли и чувства нашего народа, его душевные порывы и мечты, позволяют считать свадебный обряд жемчужиной в сокровищнице русской на родной культуры.

2001 год

¹ Очерки краеведения Белгородчины. - Белгород, 2000. - С. 365.

² Кулагина А. Привыкай, душа Марьюшка // Родина.- 1997.- № 11.- С. 103.

³ Следующие куплеты строятся аналогичным образом.

⁴ То же.

⁵ То же.

⁶ Припевные слова повторяются в каждом куплете без изменений.

⁷ Жиров М.С, Народная художественная культура Белгородчины.- Белгород, 2000.- С. 142.

⁸ Следующие куплеты строятся аналогичным образом.

⁹ Народные песни сел Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской области.- Белгород, 1995.-С. 53.

¹⁰ Следующие куплеты строятся аналогичным образом.

¹¹ То же.

¹² То же.

¹³ То же.